

Как известно, залоговые системы западных австронезийских языков (о статусе этого объединения см. ниже) значительно отклоняются от тех представлений о залоге, что легли в основу большинства современных концепций этой глагольной категории. Можно указать по крайней мере три типа таких отличий.

(i) В указанных языках среди “партиципантов” ситуации, чей грамматический статус затрагивается данной категорией, обнаруживаются роли, обычно не причисляемые к актантным – например, место, бенефактив, инструмент. Многие западные австронезийские языки допускают маркируемое в глаголе повышение таких участников до статуса подлежащего, что естественно причислить к залоговым преобразованиям.

(ii) С предыдущей особенностью, вероятно, коррелирует то, что так называемый пас-

сивный залог (или залогои; см. ниже) в языках данного типа не понижает агенса до статуса ядерного аргумента (см. подробное обсуждение этого вопроса для тагальского языка в [Kroeger 1993: 40ff]). В результате, данная система квалифицируется некоторыми исследователями (У. Фоли, М. Росс, Н. Химмельман) как симметричная – в отличие как от номинативной (где противопоставляется актив и понижающий грамматический статус агенса пассив), так и от эргативной (с ее оппозицией между обычной переходной конструкцией и понижающим статус пациенса антипассивом).

(iii) На фоне отсутствия формальных морфологических и синтаксических свидетельств “исходности” активного залога не удивительно, что последний в некоторых других отношениях (например, частотности употребления) даже может рассматриваться как маркирован-

ный (ср. [Оглоблин 1978] о языках Явы) – в отличие, скажем, от активного залога большинства европейских языков.

Все это – вместе с известной проблематичностью выделения подлежащего во многих западных австронезийских языках – в какой-то мере объясняет то, что залог такого типа долго не признавался залогом *per se*, понимаясь как другая грамматическая категория “фокуса” (историю вопроса см., например, в [Шкарбан 1995: 103–107]). В то же время, когда факты языков Тайваня, Филиппин и (в меньшей степени) Малайзии и Индонезии привлекали внимание специалистов по залогу, они порою способствовали переосмыслению основных теоретических понятий, включая, между прочим, и понятие диатезы, через которое залог обычно представляется – ср. данные филиппинского языка мараано, активно цитируемые в отечественной литературе по залогу начиная со статьи [Мельчук, Холодович 1970].

Рецензируемый сборник занимает особое место в ряду работ, касающихся залоговых систем данного региона. Это связано, прежде всего, с его очевидной дескриптивной направленностью: четырнадцать из девятнадцати включенных сюда статей – это описания фрагментов грамматических систем конкретных языков. Отдельные статьи посвящены функционированию залогового маркирования и близких к нему грамматических средств в языках туканг-беси (М. Донохью), пендау (Ф. Куик), ратахан и лаудже (Н. Химмельман), каробатакском (К. Норвуд), бонги (М.Е. Баутин), сасакском, сумбанском и бима (Ф. Ваук), яванском – на протяжении всей его истории (Г.Р. Пуджосудармо), седек (А. Холмер), сианама (Дж. Акаmine), сама-бангинги (Дж. Гаулт), хилигайнон и йогад (В. Шпиц), чаморро и палау (Э. Цобель), а также в малайских диалектах (Д. Гил). В дополнение сборник включает обсуждение реконструкции протосулавийской системы (Д. Мид), а также обобщающие статьи по истории и типологии австронезийского залога, принадлежащие виднейшим австронезистам мира – Н. Химмельману, М. Россу, Р. Бласту и Дж. Уолффу.

Богатство приводимого материала дает плоды: обнаруживается, что стандартное представление о залог в общетипологических работах – это в лучшем случае лишь первое приближение, за которым кроется множество значимых деталей, подчас довольно сильно отличающихся друг от друга в разных языках.

Сквозной линией проходит через сборник противопоставление разных структурных типов внутри австронезийской семьи. Это, прежде всего, “филиппинский” тип (вопреки своему названию объединяющий языки не только

Филиппин, но и Тайвань и части Малайского архипелага) и “индонезийский” тип, включающий основные языки Малайзии и Западной Индонезии (ср. близкую концепцию, представленную в монографии [Алиева 1998: 183ff], где последний тип именуется малайским). Филиппинский тип – по всей видимости, более архаичный и, вероятно, присущий еще праавстронезийскому языку – среди прочего ассоциируется со сложной залоговой системой, включающей не менее трех залогов, которые, к тому же, обычно образуют единую парадигму с модально-аспектуально-темпоральными категориями. Что же касается индонезийского типа, то он ограничивается оппозицией между активным и пассивным залогом, причем последний в отдельных языках даже приобретает черты, свойственные более “прототипическим” пассивам (например, предложное оформление агенса). Другая важная черта залоговых систем индонезийского типа – наличие препозитивных клитик агенса 1 и 2 л. в пассиве – представляет, вероятно, больший интерес для историков, нежели для типологов. Надо сказать, однако, что даже в тех языках Индонезии, где пассив 3 л. понижает группу агенса до статуса явного сирконстанта, использование этих клитик в контекстах 1 и 2 л., как правило, является обязательным. В то же время, в языках последнего типа, как правило, имеются и специальные суффиксы переходности (аналоги аппликативных показателей в других языках мира), повышающие косвенные объекты и обстоятельственные именные группы до ранга ядерных актантов (на русском языке см. об этом [Алиева 1975]).

Безусловно, было бы заманчиво соотнести индонезийский и филиппинский типы с более общими принципами устройства в контексте так называемой “интегральной типологии” (см. попытку такого рода в [Шкарбан 1995]), тем более что для такого вывода материал рецензируемого сборника предоставляет новый любопытный материал – наподобие отмечаемой Н. Химмельманом связи между наличием аппликативной морфологии и отсутствием залоговой деривации у стативных предикатов. Более того, иногда (например, в туканг-беси по данным М. Донохью) можно наблюдать фактическое сохранение залоговой системы филиппинского типа при полной перестройке средств формального выражения соответствующих противопоставлений. Вместе с тем, некоторые описания, вошедшие в сборник, демонстрируют языки, отклоняющиеся как от филиппинского, так и от индонезийского прототипов, нередко за счет черт, приписываемых другому типу. Это говорит о том, что филиппинский и индонезийский типы не просто

родственны (что, конечно, никем не отрицается), но и не всегда жестко противопоставлены структурно. Данные же индонезийских диалектов (Д. Гил) и сасацкого языка (Ф. Ваук) свидетельствуют о возможности дальнейшего развития залоговой системы, при котором она окончательно теряет синтаксическую значимость, нередко маркируя лишь прагматические противопоставления и уже никак не участвуя в выражении синтаксических отношений.

Правда, не стоит забывать, что такое развитие, вероятно, было в какой-то степени обусловлено как раз спецификой западно-австронезийского залога – прежде всего, тем, что изначально связь с синтаксисом у него была несколько слабее, чем у “привычных” систем. Помимо упомянутых выше особенностей, необходимо отметить еще и то, что залоговые показатели в рассматриваемых языках нередко обнаруживают отчетливые черты деривационных морфем, причем интерпретация залоговых конструкций может зависеть от лексической семантики глагола и от его аспектуальных характеристик – неслучайно в большинстве языков филиппинского типа маркирование залога непосредственно пересекается с выражением значений модальности, аспектуальности и темпоральности. Несмотря на то, что в отдельных статьях (М.Е. Баутин, В. Шпиц) такого рода фактам придается весьма большое значение, детальное исследование их связи с потенциальным развитием и/или устойчивостью залоговых систем еще предстоит.

И тем не менее, диахроническим проблемам в сборнике уделено довольно много места (что отражено и в его названии). Отчасти это обусловлено тем, что благодаря обширному и неплохо описанному материалу, в австронезистике (функциональная) типология вообще до недавнего времени была почти неразрывно связана с историческими исследованиями. С другой стороны, и сам объект исследования – западные австронезийские языки – ставит перед исследователями исторические вопросы. Дело в том, что это объединение является скорее географическим – фактически оно включает в себя представителей нескольких групп австронезийской семьи, располагающихся на Тайване, а также часть малайско-полинезийской группы, образуемой за счет исключения из нее центрально- и восточно-малайско-полинезийских языков. При этом малайско-полинезийские языки, включаемые здесь в понятие “западных австронезийских” (и ранее объединяемые под именем “западно-малайско-полинезийских”), по-видимому, не образуют единую подгруппу, и вопрос о дальнейшей классификации этих языков остается открытым.

Некоторый свет на эту проблему, очевидно, могут пролить и исследования грамматических систем западных австронезийских языков, где категория залога занимает одно из ведущих мест. И действительно, как видно из некоторых статей сборника, сравнение залоговых систем помогает установлению генетической близости. Отметим, в частности, статью Э. Зобеля, который таким путем пытается установить место двух “проблемных” (со сравнительно-исторической точки зрения) языков чаморро и палау, обращая внимания на сходства их грамматических систем с индонезийским структурным типом.

Правда, сравнение языков, представленных в сборнике, затруднено отсутствием какой-либо единой концепции залога, принимаемой авторами (и в этом отношении этот сборник отличается, скажем, от посвященных залогов отечественных коллективных монографий вроде [Типология 1974] или [Конструкции 1981]). В то же время, быть может, как раз отсутствие такой концепции и позволяет обнаружить здесь нюансы, до сих пор оставшиеся в тени – такие, например, как реликты залоговых изменений в сфере “чистого” словообразования или формирования относительных предложений.

Так или иначе, рецензируемый сборник предлагает богатый материал для типологии залога и переходности – данные, которые, несмотря на несоответствие устоявшимся стереотипам, не должны игнорироваться типологами. Не стоит забывать, что австронезийская семья – одна из самых многочисленных в мире, так что ее основные грамматические особенности вряд ли могут быть отнесены к маргинальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиева 1975 – *Н.Ф. Алиева*. Индонезийский глагол. Категория переходности. М., 1975.
- Алиева 1998 – *Н.Ф. Алиева*. Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Поссесивность. М., 1998.
- Конструкции 1981 – Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1981.
- Мельчук, Холодович 1970 – *И.А. Мельчук, А.А. Холодович*. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- Оглоблин 1978 – *А.К. Оглоблин*. О соотношении актива и пассива в языках яванской группы // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1978.

Типология 1974 – Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги / Отв. ред. А.А. Холодович. Л., 1974.

Шкарбан 1995 – Л.И. Шкарбан. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.

Kroeger 1993 – *P. Kroeger*. Phrase structure and grammatical relations in Tagalog. Stanford, 1993.

Ю. А. Ландер